

— Хорошо, — Лин Шу склонился к самому лицу Ян Е. — Если твои предки проклянут тебя за это, мы разделим эту смерть на двоих.

В угасающем свете сумерек его суровое лицо казалось удивительно мягким. Ян Е крепко сжал его ладонь, чувствуя, как от каждого прикосновения сладко замирает сердце. В этот миг, полный хмельного блаженства, из его глаз вдруг покатались беззвучные слезы. Лин Шу бережно стер их пальцами.

— Что с тобой сегодня? Плачешь без конца... совсем как тот твой страж, как его там... Сяо Бай. Ну же, перестань.

— Больше не буду, — поспешно отозвался Ян Е. — Прости, я сам все испортил. Глупо вышло... Давай продолжим.

Безумная страсть неизбежно сменяется истомой. Когда буря утихла и они наконец насытились друг другом, Ян Е, все еще тяжело дыша, тихо спросил:

— Лин Шу... откуда в тебе это? Кто тебя научил?

— В книгах вычитал, — невозмутимо ответил тот. — В трактате о «Восемнадцати приемах юношеской любви». Там это называется «Гуаньинь на лотосе».

Ян Е лукаво прищурился. Преодолевая слабость, он приподнялся, притянул Лин Шу к себе и уткнулся подбородком в его плечо, натянув на них обоих сброшенные одежды.

— Так ведь и устать недолго. Отдохни на мне... Но смотри, Лин Шу: учиться дальше ты, конечно, должен, но пробовать эти приемы с кем-то другим — упаси тебя небо. Понял?

— Понял, — негромко отозвался Лин Шу. — Никаких других.

Довольный ответом, Ян Е устроился поудобнее, но тут же посерьезнел:

— Где ты пропадал целый месяц? Ты хоть представляешь, как я сходил с ума? Расспрашивать о тебе не смел — боялся, что слуги уже забыли твое имя, а мои расспросы заставят их насторожиться. Тогда беды не миновать. И толкаться здесь мне не хотелось... Вдруг ты, дурак, ринулся бы меня спасать да сгинул в неравном бою? Но когда ты не шел, я проклинал все на свете и терзался мыслью, что я тебе больше не нужен. День за днем метался между надеждой и отчаянием... Ты хоть понимаешь, каково мне было?

Лин Шу лишь загадочно улыбнулся, не проронив ни слова. Ян Е взгляделся в его спокойное

лицо, и в груди у него шевельнулось раздражение. Он резко выпрямился, ухватил спутника за плечи и слегка встряхнул:

— Отвечай! Какую глупость ты успел натворить?

Видя его искреннее волнение, Лин Шу не стал больше тянуть душу:

— Когда в управлении Яньчжоу собралось столько столичных ищеек, я понял: твой венценосный брат тебя и пальцем не тронет, а вот меня живым не выпустит. Пришлось уходить тайком. Времени я терять не стал и тайно пробрался в Чанъань. За день до того, как город пал, я успел вывезти Нинсиня. Сейчас малыш в безопасности, пристроен в надежную крестьянскую семью за пределами городских стен. Так что не тревожься.

Ян Е ошеломленно выдохнул:

— Правда?.. О небо... А его мать? Погибла?

Лин Шу хмуро кивнул:

— Да. Чанъань взят, она бы не перенесла этого бесчестья. Но об этом после. Расскажи лучше, чем тебя опоили? Когда к тебе вернутся силы?

— Порошок рассеивания силы — Хуагунсань, — вздохнул Ян Е. — Сяо Бай уверял, что снадобье выветрится за месяц, и срок истекает как раз сегодня. Но я до сих пор пуст, как выпотрошенный мешок.

— Ну, судя по тому, что пальцы твои впиваются в мое плечо все сильнее, сила уже возвращается, — Лин Шу мягко перехватил его руку за запястье и прислушался к биению пульса. — Скорее всего, снадобье вступило в спор с тем любовным ядом, которым тебя щедро потчевал брат, вот дело и затянулось. Переждем здесь, на башне. Пока полностью не восстановишься, наружу нам соваться нельзя.

Лин Шу, до того бессильно лежавший на груди Ян Е, зашевелился и сел прямо. Ян Е тут же, словно лишенный костей, обмяк и навалился на него всем телом, сонно бормоча:

— Сидеть тут, конечно, можно... Но что нам есть, когда проголодаемся?

— Разве ты сам не говорил, что в Башне Пурпурного Сияния покоится прах основателя вашей династии? — усмехнулся Лин Шу. — Раз есть поминальные таблички, найдутся и подношения. Как почтительный потомок дома Ян, ступай и одолжи у предков немного еды. Не думаю, что покойный государь станет мелочиться.

Ян Е не сдержался и прыснул.

Тем временем луна миновала зенит. Вдруг по жилам Ян Е разлилось слабое, но отчетливое тепло — заблокированная ранее духовная энергия начала медленно просыпаться, капля за каплей наполняя меридианы. Снадобье наконец отступило.

— Началось... — взволнованно прошептал Ян Е. — Помоги мне!

Лин Шу глубоко вздохнул и, крепко обхватив его запястья, направил собственный поток ци, помогая ускорить циркуляцию внутренней энергии в теле возлюбленного.

Золотой диск солнца лениво поднялся над горизонтом и столь же неспешно покатился к закату. И хотя им приходилось ютиться на крошечном пятачке башенного яруса, присутствие любимого человека превратило это томительное ожидание в мгновение. Ян Е с детским любопытством разглядывал раскинувшийся внизу дворцовый комплекс, с интересом наблюдая за суетой придворных и слуг. Лин Шу же, равнодушный к мирской суете, просто сидел, прислонившись к каменной стене и прикрыв глаза.

— Гвардейцев-то сколько нагнали, — вдруг негромко заметил Ян Е, вглядываясь в переплетение дорожек. — Ищут нас, землю носом роют.

— Значит, дождемся глубокой ночи, — отозвался Лин Шу, не открывая глаз. — Спешить некуда. — Однако секунду спустя он поднял веки и пристально посмотрел на князя: — Когда выберемся из дворца, куда направимся?

— В столице нам ходу нет, это ясно, — беззаботно отмахнулся Ян Е. — Так что я за тобой. Куда ты, туда и я.

— Смотри, Ян Е, — в голосе Лин Шу послышались серьезные нотки. — Если решишь уйти со мной, пути назад не будет. Никаких колебаний. Забудь о своем императоре-брате и не смей даже помышлять о возвращении. Справишься?

— Обещаю, — твердо ответил Ян Е. — С прошлым покончено. Только ты и я.

Ян Е снова свесился через перила, разглядывая копошащихся внизу людей, как вдруг взгляд его замер. Лицо Ян Е стремительно потемнело, а в глазах блеснул опасный, хищный огонек.

— Но прежде чем мы покинем этот проклятый город, мне нужно кое-что закончить, — процедил он сквозь зубы.

— Что именно? — нахмурился Лин Шу.

— Узнаешь, когда придет время.

К полуночи духовные каналы Ян Е полностью очистились, и бывшая мощь вернулась к нему в полной мере. Спустившись к алтарю, он без лишних угрызений совести опустошил блюда с подношениями, насытившись за двоих, после чего они бесшумно соскользнули с вершины башни, словно две ночные птицы.

Ян Е прекрасно ориентировался в лабиринтах Запретного города, поэтому уверенно вел Лин Шу за собой. Однако стоило им приблизиться к внешнему контуру, как стало ясно: охрана удвоена. Проскользнуть незамеченными к крепостной стене было почти невозможно. Сделав несколько кругов и укрывшись в густой тени вековых кипарисов, Ян Е досадливо выругался:

— Проклятье, здесь мышь не проскочит. Наверняка они знают, что мы все еще во дворце. Придется прорываться с боем, иначе до рассвета не успеем.

— Твой брат чертовски умен и расчетлив, — сухо заметил Лин Шу.

Ян Е вздрогнул. На мгновение его лицо окаменело, а пальцы судорожно сжались.

— Не говори о нем... умоляю, ни слова, — выдохнул он. Голос его дрогнул, а в груди защемило от горькой, удушливой тоски.

Лин Шу лишь понимающе улыбнулся и крепче сжал его ладонь:

— Хорошо. Идем. Обнаружат — проложим дорогу мечом.

Они рванулись вперед, готовые к худшему. Но стоило им миновать галерею, как впереди послышался стремительный свист рассекаемого воздуха и яростные крики стражи. Лин Шу привычным движением выхватил меч, готовясь дорого продать их жизни, однако крики и топот сотен ног внезапно устремились на северо-восток. Незвестный возмутитель спокойствия вводил погоню в сторону от их укрытия.

Ян Е опешил, но тут же расплылся в торжествующей улыбке:

— Похоже, у нас объявился нежданный помощник. Сами боги нам благоволят! Бежим!

Они вихрем долетели до колоссальной внешней стены. Лин Шу подхватил Ян Е под мышку, легко оттолкнулся от земли и взмыл ввысь. В полете кончик его клинка коснулся кирпичной кладки, давая дополнительный импульс, и плавным кувырком они преодолели гребень стены. Узкие проходы между стенами, обычно так плотно забитые патрулями, сейчас пустовали — все стражники умчались на северо-восток. Не теряя драгоценных секунд, Лин Шу перемахнул через последние заграждения и мягко приземлился на мостовую за пределами дворца.

Свобода была так близко, но едва они коснулись ногами земли, как из густой тени деревьев выросли три молчаливые фигуры.

Ян Е похолодел. Он инстинктивно задвинул Лин Шу себе за спину и до боли сжал его пальцы, сиюсья сохранить ледяное спокойствие:

— Вэй Линьсянь... Пришел вернуть меня в золотую клетку?

Вместо ответа Вэй Линьсянь медленно опустился на колени. Стоявшие за его спиной Нянь Вэй и Чжунли Чжэнь безмолвно последовали его примеру.

— Покорные слуги провожают Ваше Высочество и господина Лин, — негромко произнес Вэй Линьсянь, склонив голову. — Сяо Бай тоже рвался сюда, но ему пришлось переодеться и отвлечь дворцовую стражу, чтобы подарить вам этот шанс.

Ян Е онемел. Горло перехватило спазмом, и он долго не мог вымолвить ни слова.

— Вас же казнят за это... — наконец выдавил он побелевшими губами. — Как только император узнает...

— Мы не боимся гнева Его Величества, — твердо отозвался Вэй Линьсянь.

Подняв взор на господина, верный слуга негромко добавил:

— Время не ждет, Ваше Высочество. Государь невероятно проницателен, вам нужно бежать без оглядки. Чем дальше вы будете отсюда, тем меньше подозрений падет на нас.

— Хорошо, мы уходим, — Ян Е тяжело вздохнул. — И все же... Берегите моего брата. Пусть в последнее время он сам не свой, но он великий правитель, чью душу отравили коварные шептуны. Со временем его разум прояснится, верьте мне. Простите, что из-за меня вам приходится терпеть все эти невзгоды.

Из темноты донесся тихий, прерывистый всхлип Нянь Вэя. Сердце Ян Е болезненно сжалось, но он заставил себя отвернуться и сделать решительный шаг вперед.

— Идите с миром, Ваше Высочество, — донеслось ему вслед.

Вэй Линьсянь в последний раз коснулся лбом холодной земли, провожая взглядом двух беглецов. Лин Шу крепко перехватил ладонь Ян Е, и они стремительно растворились в безмолвии ночи.

Они неслись под серебряным светом луны, легко перепрыгивая через коньки крыш и срезая путь через безлюдные переулки. В какой-то момент Лин Шу придержал его за плечо:

— Стой. Мы забираем к центру. Дорога к городским воротам совсем в другой стороне.

— Все правильно, — глухо отозвался Ян Е, не сбавляя шагу. — Прежде чем покинуть столицу, мне нужно лишить жизни одного мерзавца.

— Цзин Хуайюй? — спокойно спросил Лин Шу.

Ян Е злорадно оскалился:

— Надо же, как в воду глядишь! Этот ублюдок сжил Юньци со света. Если я не выпущу ему кишки, то не упокоюсь даже в гробу.

— На твоём месте я бы винил твоего царственного брата. Бэйчэнь Цин погиб из-за него, — возразил Лин Шу.

— Да какая разница! — вскипел Ян Е. — Сказал — этот выродок виноват, значит так и есть! Не смей спорить! Если бы этот скользкий гад не влез в постель к императору и не нашептывал ему свои ядовитые бредни, разве брат обошелся бы так жестоко с Юньци?

Лин Шу лишь покачал головой:

— Ян Е, ты и сейчас продолжаешь выгораживать брата... Ладно, не мне судить ваши безумные семейные распри. Своди свои счета, а я прикрою тебя снаружи.

Они резко сменили направление и устремились к роскошному кварталу, где высилась резиденция канцлера.

Поскольку император Ян Си неустанно призывал чиновников к скромности и прилежанию, канцлер Цзин Хуайюй послушно следовал воле государя. Его резиденция радовала глаз почти монашеской строгостью — ни намёка на кричащую роскошь. Что же до служебного рвения, то здесь канцлер превзошел всех: он практически жил в Запретном городе, без усталости радея о благе империи Да Янь.

Днем, после завершения утреннего совета, он по обыкновению последовал за государем в его личные покои. Однако в этот раз среди величественного безмолвия залов Цзин Хуайюя не покидало жуткое ощущение, будто в спину ему упирается чей-то полный ненависти взгляд, от которого кровь стыла в жилах. К тому же из-за недавнего переполоха во дворце император пребывал в крайнем раздражении и поспешил отослать фаворита восвояси.

Оказавшись дома, канцлер тоскливо готовился ко сну в своей опочивальне, как вдруг тишину ночи нарушил глухой стук во дворе, мгновенно сменившийся криками стражи и звоном стали.

Цзин Хуайюй в ужасе рванулся с постели, но не успел сделать и шага — оконная рама с треском распахнулась, и внутрь бесшумным призраком ворвалась темная фигура, в мгновение ока оказавшись у самого ложа.

Лишенный воинских навыков, канцлер, однако, обладал отменной реакцией. Едва взглянув на ночного гостя, он мгновенно понял, зачем тот пришел. Не теряя драгоценных секунд, Цзин Хуайюй скатился с ложа прямо на колени:

— Ваше Высочество князь Хуай! Какими судьбами в столь поздний час? Назовите вашу волю, ничтожный слуга выполнит любой ваш приказ!

Ян Е сжимал в левой руке три копья, а в правой еще два — все они были отобраны у несчастных охранников во дворе. Направив острие одного из них прямо в горло поверженного канцлера, он брезгливо огляделся. При тусклом свете одинокой свечи опочивальня выглядела убого и скромно — не чета его собственным роскошным покоем.

Ян Е глумливо хмыкнул:

— Надо же, какая добродетель! Наш великий канцлер Цзин, оказывается, истинный бессребреник! Тьфу, ну и нищета... А я-то надеялся поживиться у тебя чем-нибудь ценным в обмен на твою жалкую жизнь. Раз у тебя и украсть-то нечего, придется забрать твою душу в уплату долга.

От ледяного дыхания стали у шеи Цзин Хуайюя подкосились ноги. Пытаясь отползти назад, но упершись в глухую стену, он залепетал:

— Пощадите, Ваше Высочество! Если вам нужны средства для бегства, я все отдам! За эти годы у меня накопилось немного золота... Да, это не спасет вас от всех невзгод, но послужит подспорьем. Раньше я не смел предлагать вам столь ничтожную помощь, боясь вашего презрения... Но теперь... умоляю!

Ян Е тихо рассмеялся, покачивая копьем:

— Хм, ну давай проверим твои закрома. Только серебро не предлагай — слишком тяжелое. Давай сюда векселя и государственные билеты.

Канцлер заметался. Он пополз к потайной нише за изголовьем кровати, дрожащими руками извлек пухлую стопку кредитных билетов и протянул ее преследователю. Ян Е, даже не удосужившись пересчитать добычу, выхватил бумаги и небрежно сунул за пазуху.

— Знаешь, я вообще-то планировал отдать тебя Лин Шу, чтобы он содрал с тебя шкуру заживо, — оскалился Ян Е. — Но раз уж ты проявил такую трогательную заботу, я проявлю милосердие. Обещаю, удар будет быстрым. Готовься к встрече с предками!

— Пойдите! — в панике закричал Цзин Хуайюй, выставя перед собой ладони. — Я знаю, что не смогу защититься от вашей ярости! Но умоляю, позвольте мне хотя бы сказать последнее слово! Вы ведь хотите пролить мою кровь из-за генерала Бэйчэня? Клянусь небом, моей вины здесь нет! Все мои люди, отправленные в Яньчжоу, подчинялись лишь указам самого государя. Сам император признавался мне, что ценит военный гений генерала Бэйчэня превыше всего и до смерти боится, что тот из-за преданности своей семье переметнется на сторону мятежного князя Цэня. Без Бэйчэня армия Да Янь была бы обречена! Его Величество желал лишь удержать его под домашним арестом в Яньчжоу, пока не утихнет буря, а затем вернуть во дворец. Ваше Высочество, это было решение императора! Я могу пойти с вами к нему и подтвердить каждое свое слово!

Ян Е молча выслушал эту тираду. Копье в его ладони едва заметно дрогнуло, но в следующую секунду лицо его перекосила гримаса ярости:

— Какое к черту подтверждение?! Если бы ты, паршивый пес, не нашептывал ему свои гнилые подозрения за его спиной, мой брат никогда бы не усомнился в верности Юньци! Ты ведь каждую ночь грел его постель! Кто знает, какую отраву ты изливал ему в уши во время плотских утех? И вся эта мерзость про проклятое созвездие Шаполан и необходимость похоронить Юньци в императорских гробницах брата... Не твоя ли это безумная затея?!

— Моя! — отчаянно воскликнул Цзин Хуайюй. — Да, это придумал я, но лишь ради спасения самого Его Величества! Когда император узнал о гибели генерала Бэйчэня, его горлом пошла кровь! Он тут же вытер рот рукавом, чтобы никто из придворных не заметил его слабости, но я стоял рядом и видел все своими глазами! Мое предложение было лишь попыткой унять его невыносимую скорбь и исполнить тайное желание! Ваше Высочество всегда славились справедливостью, так почему же сейчас вы делаете козлом отпущения меня одного?!

Канцлер изливал душу с таким неподдельным жаром, что Ян Е, хотя и не верил ни единому слову этого придворного лиса, на мгновение застыл при упоминании о кровавой рвоте брата.

Пользуясь секундным замешательством князя, Цзин Хуайюй осторожно, шаг за шагом, начал пятиться к выходу из опочивальни.

<http://bllate.org/book/19546/1998896>